

— Я ничего не делал... — попытался оправдаться Хань Цзин.

Он чувствовал себя так, словно стоял в самом сердце Вселенной. Прекрасные галактики казались настолько близкими, что до них можно было дотянуться рукой. Сквозь бездну времени и пространства до него доносилось смутное, едва уловимое эхо былого величия атлантической цивилизации.

— Знаю, знаю, мой мальчик! Как тебя зовут?! — взволнованно воскликнул Берджесс. Его глаза лихорадочно блестели, а на лице читался такой восторг, словно он только что откопал величайшее сокровище мира.

— Хань Цзин. Раньше работал в Исследовательском институте С. Ф., — ответил он, делая шаг в сторону.

Под ногами разгоралось ровное синее свечение. Проекция энергетического кольца стремительно уплотнялась, обретая почти осязаемую, холодную текстуру полированной стали. По его ободу действительно выделялись девять аккуратных треугольных выступов, идеально делящих круг на равные сектора.

— Забудь про свой С. Ф.! — отмахнулся Берджесс, отчаянно жестикулируя и чуть ли не подпрыгивая на месте. — Сейчас от тебя требуется только одно: сосредоточься. Представь наше положение в Солнечной системе! Освободи свой разум, настройся на волну, почувствуй Атлантиду...

Хань Цзин чувствовал себя совершенно растерянным перед лицом столь чуждой и непостижимой технологии. С трудом преодолевая неловкость, он прикрыл глаза и заставил себя сосредоточиться на образе Солнечной системы: Земля, Меркурий, Марс... Вскоре в голове зародилось странное, давящее чувство — словно из пространства вокруг него медленно выкачивали воздух, а виски тисками сжимала невидимая гранитная плита.

— Ух ты... — выдохнул кто-то в стороне.

Хань Цзин распахнул глаза. Прямо перед ним парила до боли знакомая голубая планета. Голографический трехмерный экран чутко реагировал на малейшие колебания его мыслей, разворачивая панораму Солнечной системы с поразительной, почти пугающей детализацией — куда более точной, чем все, что было известно человечеству. Рядом с Землей и Хароном, спутником Плутона, мерцали причудливые знаки. Похоже, письменность атлантов? Или пространственные координаты?

— На сегодняшний день человечество освоило лишь трехмерные световые проекции, но теоретические расчеты показывают, что технологии Атлантиды выходят далеко за эти рамки! — вздохнул объяснял коллегам Берджесс. Затем он вновь повернулся к юноше: — Хань Цзин,

мне нужна твоя помощь! Соберись с силами, представь Солнечную систему в четырехмерном пространстве!

«Пространство в динамике, где время течет как физическая величина?»

Одно дело — сухая теория из учебников, и совсем другое — попытаться воссоздать подобное собственным разумом.

— Наш мир — всего лишь крошечная точка на теле четырехмерного измерения. Вспомни теорию суперструн, она служит математической базой для понимания этой структуры! — продолжал подначивать Берджесс, уводя его за собой.

Казалось, мозг зажали в тиски и пытаются протиснуть сквозь узкую щель. От тупой, изнуряющей боли на лбу Хань Цзина выступила холодная испарина. И все же он не открыл глаз. Желание прикоснуться к технологиям Атлантиды, увидеть воочию подлинное четырехмерное пространство перевешивало любые страдания.

Лицо его стремительно бледнело, капли пота скатывались по вискам, а плечи мелко дрожали. Будь это физическое воздействие, его череп давно раздавило бы колоссальным давлением. Но здесь, в неосязаемом ментальном поле, эта сокрушительная сила продолжала сжимать его разум, не встречая границ.

Перед мысленным взором начали вспыхивать галлюцинации. В лазурном мареве, разлившемся вокруг, почудился тихий, едва различимый шепот.

«Что они говорят?..»

Голос звучал совсем рядом и одновременно бесконечно далеко, словно на другом конце мироздания.

Внезапно накрыло жуткое ощущение невесомости. Хань Цзину показалось, будто его затягивает в жерло внезапно разверзнувшейся черной дыры. Потеряв равновесие, он покачнулся и едва не рухнул на пол. Резко распахнув глаза, он замер: Солнечная система вокруг него искажалась и перекручивалась по каким-то совершенно немыслимым законам.

Неужели это и есть четырехмерное измерение?!

Внутри сияющего купола поднялась настоящая буря. Иллюзорный космос штормило так сильно, что несколько лаборантов не удержались на ногах и повалились на пол.

— Назад! Стой! — в панике завопил Берджесс. — Утихомирь его, Хань Цзин!

— Да как?!

— Разумом! Силой мысли!

Услышав столь абстрактное объяснение, Хань Цзин едва сдержал раздражение. Однако ему пришлось мгновенно взять себя в руки — в дверях лаборатории возник силуэт Мориса.

Морис нахмурился, его взгляд обдал присутствующих ледяным холодом. Лицо генерала оставалось бесстрастным, но от него исходила такая тяжелая, давящая аура, что люди невольно пятились назад.

— Я жду объяснений, Берджесс, — ровным, лишенным каких-либо эмоций тоном произнес Морис. Даже в гневе его голос оставался безупречно холодным и отстраненным.

Улыбка сползла с лица Берджесса. Слишком хорошо зная крутой нрав генерала Нормана, ученый умоляюще уставился на стоявшего рядом мужчину. Это был генерал Шерман. Ему перевалило за пятьдесят, по званию он не уступал Морису, но отличался мягким, добродушным характером и руководил тыловым обеспечением базы.

Морис мгновенно перехватил этот взгляд и продолжил допрос:

— Отвечай, Берджесс. Ты проверил его личное дело? Лицам, не принесшим присягу, строго запрещен доступ к любым сведениям об Атлантиде. Ты грубо нарушил устав базы.

— И к вам вопрос, — Морис перевел ледяной взор на Хань Цзина. — Почему вы разгуливаете по закрытым секторам вместо того, чтобы следовать системным указаниям?

Хань Цзин с трудом подавил сильное головокружение. Он и подумать не мог, что их первая личная встреча начнется с сухого выговора от вышестоящего офицера. Под этим леденящим взглядом он невольно вздрогнул, но Морис почему-то не стал развивать обвинение.

Сквозь стекла очков Хань Цзин мягко посмотрел на стоявшего перед ним человека, который сейчас казался неприступным ледником.

— Я еще не до конца разобрался с выданным мне коммуникатором, — неловко поправив очки, признался Хань Цзин. — Похоже, я просто сбился с пути...

— Ну надо же, какой мягкий молодой человек. Полная твоя противоположность, — усмехнулся генерал Шерман, глядя на своего сурового друга. — Раз уж ты лично за него поручился, то и переживать не о чем. Не будь так строг, Морис. Новички постоянно путаются в этих коммуникаторах, обычное дело.

— А вот что касается тебя... — Шерман повернулся к ученому.

— Помилуйте, генерал Шерман! Вы же сами прекрасно знаете! — затараторил Берджесс. — Наша аппаратура почти ни у кого не вызывает отклика, шанс один на миллиард! Я всего лишь предложил ему провести шуточный тест, и вдруг — настоящее чудо! Без всякой подготовки, без тренировок его разум вошел в резонанс с системой!

Ученый так завелся, что его было уже не остановить. Пытаясь перевести тему со своего проступка, он указал на мерцающее оранжевым светом кольцо:

— Согласно имеющимся данным, наследие атлантов реагирует исключительно на уникальные физиологические параметры. Мы пока не знаем точно, в чем секрет — в генетическом коде или в особом биоманитном поле, но древние использовали эти свойства как своего рода биометрические ключи! И если мы хотим постичь их невероятную цивилизацию, нам нужны эти самые ключи.

— И перед нами — идеальный ключ! — Берджесс с гордостью указал на Хань Цзина.

Шерман внимательно оглядел темноволосого парня в очках. Уголки его губ поползли вверх, и он с хитрой усмешкой покосился на коллегу:

— Похоже, парень куда полезнее, чем ты думал. Какова его ценность, Морис?

На лице Мориса на мгновение отразилось едва заметное колебание. Но Шерман успел поймать этот миг.

— Я читал его досье. Он выжил во время того инцидента на Атлантиде. Вы ведь уже встречались раньше, верно?

Морис слегка сощурился и глухо ответил:

— Мы знакомы. Вижу, тебе не терпится заняться бумажной волокитой.

Он бросил на Шермана короткий взгляд и, развернувшись, зашагал прочь, его золотистые волосы слегка колыхнулись в такт движениям.

Едва шаги генерала стихли, Берджесс шумно выдохнул и, добродушно похлопав себя по пухлому животу, усмехнулся:

— Генерал Морис — форменный ледник. Интересно, какому безумцу суждено растопить эту глыбу?

— Следи за языком, Берджесс, — беззлобно одернул его Шерман.

Впрочем, он и сам подметил, что за последние полгода его товарищ стал совсем нелюдимым, словно выстроил вокруг себя ледяную стену, отгораживаясь от всего мира.

«Да, он и раньше не отличался мягкостью, но чтобы до такой степени... Что с ним стряслось?»

Шерман задумчиво нахмурился, но разгадка ускользала от него.

— Какое счастье, что вы оказались рядом, генерал! — заискивающе улыбнулся Берджесс. — Иначе мне бы несдобровать.

— Рано радуешься. Завтра утром жду у себя на столе подробный рапорт с объяснениями. И избавь меня от своих излюбленных басен!

— Будет исполнено, сэр! Осознал, раскаиваюсь! — Берджесс вытянулся в струнку и лихо отдал честь.

Шерман лишь покачал головой — спорить с этим неисправимым пронырой не хотелось. Он перевел взгляд на бледного Хань Цзина и заговорил заметно мягче:

— Вы ведь Хань Цзин, верно? Вам не стоит здесь задерживаться. Ступайте к себе, отдохните и постарайтесь привыкнуть к нашей подводной резиденции.

— Слушаюсь, господин генерал, — Хань Цзин наконец отвел взгляд от коридора, куда только что ушел Морис.

— Но позвольте, сэр! Он ведь мне нужен для исследований! — взмолился Берджесс.

— Берджесс! — лицо Шермана помрачнело. — Ты уже забыл слова генерала Нормана? Повторяю для особо непонятливых: гражданским без допуска запрещено работать с артефактами атлантов. Точка.

Увидев, что военачальник теряет терпение, ученый прикусил язык и благоразумно отступил.

— Вы помните, куда вас распределили? — спросил Шерман у юноши.

— В сектор Роедлас, кажется.

— В сектор Роедлас?! — удивленно шепнул кто-то из лаборантов.

Шерман тоже не скрывал изумления. Смерив Хань Цзина долгим взглядом, он добродушно усмехнулся:

— Надо же, в сектор Роедлас... Что ж, найти его несложно. Ступайте прямо по этому полукруглому коридору, никуда не сворачивая. Скоро увидите указатель.

— Благодарю вас, сэр.

Хань Цзин посмотрел туда, куда указывал генерал. Изгибающийся коридор мерцал мягким изумрудным светом и, словно прозрачный ручей, змеился сквозь бескрайние рабочие залы.

Дорожка была вымощена плитами из кристаллов Туаой. Абсолютно прозрачные блоки создавали полную иллюзию ходьбы прямо по водной глади. Они плавно двигались в едином ритме, напоминая стеклянный траволатор в аэропорту — скорость казалась неспешной, но Хань Цзин перемещался вперед очень быстро, почти не прикладывая усилий.

Когда колоссальная рабочая зона осталась позади, траволатор вывел его в длинную подводную галерею со стеклянными стенами. Хань Цзин заворуженно смотрел по сторонам, чувствуя себя гостем в чужом, таинственном мире. На глубине более четырех тысяч метров не было ни ярких коралловых рифов, ни стаяк пестрых рыбок — лишь бездонная, иссиня-черная толща воды. Изредка в ней вспыхивали фосфоресцирующие глубоководные организмы или проплывали причудливые, уродливые обитатели бездны.

И все же Хань Цзин не мог оторвать глаз от этого зрелища. Внезапно его внимание привлек участок дна, где велись масштабные подводные работы. Тяжелая техника ворочалась в клубах ила, выкапывая колоссальный котлован. На самом его дне из вековой толщи осадочных пород проступал фрагмент гигантского черного обруча. Даже та малая часть конструкции, что уже показалась на свет, заставила Хань Цзина замереть на месте. Высеченные на ней треугольные символы в точности повторяли узор на экспериментальном кольце Берджесса.

«Неужели это... древние руины Атлантиды?»

За пределами галереи раскинулся жилой сектор Базы № 9. Перед Хань Цзином раскинулся колоссальный амфитеатр, напоминающий очертаниями римский Колизей. По кругу высились тридцатиметровые дугообразные корпуса, возведенные из кристаллов Туаой. Разная толщина плит и филигранная огранка создавали потрясающую игру света: одни стены оставались кристально прозрачными, другие манили матовой дымкой или казались монолитными блоками. Подняв голову, юноша замер, заворуженный сиянием этого изумрудного царства.

Не успел он прийти в себя от удивления, как движущаяся дорожка под ногами замедлила ход и замерла перед белой энергетической перегородкой.

— Пожалуйста, выберите пункт назначения, — бесстрастно произнес синтезированный голос.

На преграде соткалась полупрозрачная голографическая карта со множеством условных обозначений.

— Сектор Роедлас, — Хань Цзин коснулся нужной точки.

Экран послушно перестроился, выводя детальную схему жилого блока. Как оказалось, Роедлас занимал самые верхние этажи комплекса. Место было поистине элитным: вдали от суеты и шумных перекрестков, с захватывающим панорамным видом на светящийся подводный город.

— Секунду, идет идентификация.

После короткого сканирования, занявшего не более десяти секунд, барьер бесшумно растаял, уступив место трем прозрачным кабинам скоростных лифтов.

[Идентификация пройдена. Хань Цзин. Уровень допуска: Е. Разрешен проход: Сектор Сквер, Сектор Ноледж, Сектор Роедлас. Сектор Роедлас: доступ в Апартаменты D.]

Хань Цзин зашел в лифт. Двери бесшумно сошлись, и кабина устремилась ввысь. Внизу, растворяясь в изумрудном мареве, уменьшались транспортные артерии базы. С высоты полета взору открывалась бесконечная, завораживающая панорама бездны.

«Ничего себе... Жилье для высшего командования», — невольно подумал Хань Цзин. Он задумчиво поправил очки и прошептал:

— Морис... Так, значит, тебя зовут Морис.

В тех обрывочных воспоминаниях об Атлантиде, что преследовали его, они лишь предавались безумной, исступленной страсти. Дни и ночи сливались в сплошной круговорот объятий, где они жадно, до изнеможения обладали друг другом. Они даже не знали имен друг друга — просто растворялись в чистом, первобытном притяжении.

— Но в реальности он совсем другой. Не думал, что он может быть настолько ледяным... — тихо вздохнул Хань Цзин, выходя из открывшихся дверей лифта на верхнем ярусе.

Ориентируясь по виртуальным указателям на панели, он быстро нашел нужный коридор и остановился перед запертой дверью апартаментов.

«Он внутри?»

Сердце Хань Цзина застучало быстрее. Однако волнения оказались напрасными. В квартире царила безупречная, стерильная тишина. Просторное помещение площадью около ста квадратных метров имело открытую планировку: обширная гостиная, одна спальня и огромная

ванная комната. Здесь легко могли бы разместиться двое.

Но когда Хань Цзин заглянул в спальню и увидел там единственную кровать шириной чуть ли не в пять метров, он оцепенел.

«Постойте, но это же одноместный номер... Или я пропустил какое-то системное уведомление?»

В голову пришла безумная догадка, от которой перехватило дыхание.

«Неужели... он тоже все помнит?»

Прикосновения разгоряченных тел, тяжелое, рваное дыхание на двоих, плавящий кожу жар... Воспоминания хлынули неудержимым потоком, и по телу мгновенно прокатилась волна томительного, острого возбуждения, отзывавшаяся внизу живота сладкой дрожью.

Испугавшись собственной физиологической реакции, Хань Цзин бросился в ванную. Он рванул на себя кран и принялся лихорадочно плескать в лицо ледяной водой.

«Этого не может быть... В его глазах нет ничего, кроме вечной мерзлоты».

Опершись руками о край раковины, он тяжело дышал. Вода стекала по щекам крупными каплями, срываясь вниз и разбиваясь о фаянс, точь-в-точь как его собственные смятенные мысли. При воспоминании о холодном облике генерала сердце сжалось от глухой, щемящей боли.

Вдруг из прихожей донесся негромкий шорох. Хань Цзин вздрогнул. Позабыв про оставленные на столике очки, он поспешно вышел из ванной и нос к носу столкнулся с золотисто-волосым Морисом.

Без очков мир расплывался перед глазами, и юноша инстинктивно сделал шаг навстречу вошедшему, пытаясь рассмотреть его лицо. Когда туман рассеялся, оказалось, что они стоят вплотную друг к другу — настолько близко, что чувствовали тепло чужого дыхания.

Почуввав, как Морис весь мгновенно подобрался и замер, словно натянутая струна, Хань Цзин испуганно отпрянул назад.

— Генерал! — только и смог выдавить он после долгой, повисшей в воздухе паузы.